

Кредитная история

Первую в своей жизни кредитную карточку Свердловы отправились обмывать в заведение турецкого общепита "Диван", что на Макдугал, недалеко от пересечения с Бликер. От кого-то они об этом месте слышали. Машину пришлось запарковать кварталов за пять. Потом они по ошибке пошли в другом направлении. Потом Наташа пожаловалась на то, что хотя шуба теплая, легкие туфли на шпильках — не самая удачная обувь для мартовского вечера. В общем, поплутав минут десять-пятнадцать, они в конечном итоге нашли этот "Диван", и усатый янычар, приняв у дамы шубу, провел их к столику со свечкой в стаканчике.

Заказывал Вячеслав Михайлович, который любил хорошо поесть и при случае повторял, что у кого хороший стол, у того хороший стул. В своей родной Одессе он знал шеф-поваров лично, потому что все они когда-то были его студентами: до выхода на пенсию он работал преподавателем физкультуры в поварском ПТУ. Когда он заказывал, допустим, обычные вареники в "Украине" на Ласточкина, то говорил официанту: "Скажи Вите, что Свердлов просит положить больше жареного лука". Фамилия у него, надо сказать, была запоминающаяся, революционная. Хотя по природе своей он был натуральным нэпманом. И повар Витя, вытирая руки полотенцем, сам сопровождал глечик с варениками к столу высокого гостя.

Итак, в "Диване" они заказали на закуску комбинированное блюдо, на котором было, значит, запоминайте: долма, гумус и бабагануш с горячими лепешками, маслины, печеные баклажаны под ледяным йогуртом и треугольные такие пирожки из слоеного теста с сыром. В качестве основного блюда был подан люля-кебаб, дорогие товарищи, от одного аромата которого в рот ударяла такая мощная волна слюны, что человека неподготовленного могла и со стула сбить. Но Свердловы были как раз людьми подготовленными. Они только сделали глубокий вдох-выдох и придвинули тарелки.

Однако же когда им подали турецкий кофе и облитую липким медом баклаву, они решили перекурить.

— Расплачусь пока, — сказал Вячеслав Михайлович, заранее предвкушая момент, ради которого и был затеян культпоход по местам турецкой кулинарной славы.

— Сережа! — позвал он официанта. Он всех официантов звал Сережами, и все они на это имя откликались.

Янычар Сережа подошел.

— Чек, — сказал Вячеслав Михайлович на чистом английском языке.

Сережа поклонился и через несколько минут принес на тарелочке чек. Свердлов внимательно изучил его и приступил к церемонии запуска карточки в большую жизнь. Сперва он легонько прихлопнул себя ладонями по груди, как бы проверяя, в каком из двух внутренних карманов пиджака спрятался от него шалун-бумажник. Потом сунул руку в левый карман. Задержав ее там на секунду, достал. Раскрыл. Извлек карточку и, на секунду зафиксировав ее в воздухе, положил в тарелку. Готово!

— Сори, онли кэш, — негромко сказал Сережа, но эти тихие слова произвели на Вячеслава Михайловича, как говорили крупные писатели прошлого века, эффект разорвавшейся бомбы. Его просто контузило этими словами. Контузило и присыпало трехметровым слоем земли. Сережа тем временем вежливо поклонился и нырнул в приятный полумрак.

Дело было плохо. Начать с того, что весь словарный запас Свердлова был ограничен от силы десятком слов, половина которых были нецензурными. Одна только перспектива объяснений с официантом страшила его, как ребенка страшит визит к дантисту. Между тем объяснение было неизбежно. В кошельке у него были аварийные долларов 60, но должен был он — 85 плюс чаевые.

— Я сейчас, — Вячеслав Михайлович поднялся. План у него созрел с какой-то фантастической скоростью. План этот был совершенно безумным, но, знаете, бывают в жизни человека такие напряженные моменты, когда логика уступает место чувствам. — Мне в туалет на секунду.

План был простой, как не знаю что. Если в туалете есть окно, он вылезал через него на улицу, шел в ближайший банк, брал в банкомате наличные, тем же манером возвращался и, ни на минуту не роняя своего человеческого достоинства, расплачивался с бусурманами.

Окно в туалете имелось. Высоковато было, но он — одно слово физкультурник — одну ногу поставил на унитаз, вторую на водопроводную трубу, подтянулся, извернулся... короче, вылез. Спрыгнул, правда, неудачно — чуть подвернув ногу. А распрямившись, обомлел. Даже, я бы сказал, не обомлел, а был контужен вторично. Он стоял не на какой-то улице, а в черном, как могила, колодце, и только одно окошко светилось в нем — окошко туалета, из которого он только что выбрался. И наверху еще глупая звезда мерцала в ледяном мартовском небе. И все.

Он вернулся к стене, чтобы лезть обратно в спасительный сортир, но тут уже ничего не было, чтобы поставить ногу или подтянуться, — ни унитаза,

ни водопроводной трубы, ничего, кроме плотно пригнанных друг к другу кирпичиков. Со словами "Не может быть такого, не может быть, чтобы не было", Вячеслав Михайлович стал наощупь обходить дворик. И нашел-таки, нашел сеточную дверь и едва различимые ступени за ней, которые вели в какую-то другую темноту. Напрягая зрение, стал всматриваться.

Что-то там виделось ему вдалеке. Вроде бы еще какой-то дворик со щелью сбоку, из которой сочился сероватый свет и, кажется, даже долетали звуки проезжавших автомашин. Кажется. Он потряс дверь своей крепкой рукой, проверяя крепость замка. Дверь была хлипковатой, и потому он стал действовать решительно. Коротко развернувшись, Свердлов ударил в поперечную перекладину плечом. Дверь с неожиданной легкостью распахнулась, и он скатился по ступенькам во мрак, встретивший его громом пустых мусорных баков. Видимо, он потерял на минуту-другую сознание, поскольку, открыв глаза, ничего вокруг не увидел и даже не сразу понял, где он. Потом вспомнил. Потрогал голову — мокрая была голова. Стал всматриваться. Вроде бы лежал он в каком-то коридоре. Справа желтел проем, ведущий во двор, из которого он сюда, так сказать, прилетел. Слева серел другой, из которого мог быть выход на улицу.

Поводив в темноте руками в поисках опоры и не найдя ее, он встал на четвереньки и пополз. Таким вот макаром Вячеслав Михайлович добрался до ступенек и взобрался по ним в другой дворик. Здесь он поднялся на ноги, но тут его качнуло, как на палубе корабля в крепкий шторм, и сразу тошнота ударила под дых, да так, что полетели наружу все эти пирожки слоеные с долмой и люля-кебабом в белом вине шардоне калифорнийского разлива. Держась обеими руками за стену, товарищ Свердлов освободил организм от турецких деликатесов. Ничто не должно было отягощать его в предстоящей схватке с превратностями жизни. Он ослабил галстук, расстегнул непослушными пальцами верхнюю пуговку и на дрожащих ногах двинул вдоль черной стены.

В скором времени он снова ткнулся в сеточную дверь. Пошатал осторожно. Эта крепко держалась. И замочек тут висел, как говорили на родине, амбарный. Подналег, да сил не осталось. Но тут уже облегчение было — там за очередным двором с запаркованными на ночь автомашинами снова были ворота, уже широкие, и за ними окна светились, уголок витрины выглядывал, такси проехало, а за ним еще. Он снова потряс дверь и крикнул слабо, осваивая легкие: "Хэлп!". И снова: "Хэлп! Хэлп ми!". Но не менее как с полсотни метров надо было лететь его слабому голосу.

И вдруг человек появился перед ним. Из каких-то коробок, стоявших

за сеткой у стены, выбрался и подплыл к нему, освещенный смертельным светом луны. Негритос какой-то. Смердящий, как тяжелое инфекционное заболевание. Спросил чего-то непонятное и стал осматривать его пиджак, голову мокрую, руку с часами, как рассматривает мародер мертвяка, который никуда уже от него не денется.

— Чего смотришь, обезьяна ты вонючая, — сказал Свердлов выпускнику Института дружбы народов имени Патриса Лумумбы в городе-герое Москве, бывшему товарищу Франсуа Музону. Этот товарищ в свое время получил диплом преподавателя русского языка и литературы, вернулся в родную Доминиканскую Республику, но, не найдя работы, перебрался в Соединенные Штаты, где стал профессиональным бездомным наркоманом с прогрессирующей шизофренией. — Полиция мне надо. Давай, макака немытая, гоу, за полицаем. Гоу! Выручай. Хэлп мне делай. Андерстэнд ты меня или не андерстэнд?

Звуки благоприобретенного в забытой уже жизни языка внезапно открыли какой-то клапан в перепутанных мозговых извилинах бывшего товарища Музона. Взявшись обеими руками за железную раму двери и приблизив лицо с поломанными зубами к сетке, он вдруг заговорил:

— Мчаца тючи, вьюца тючи, невидимкою люна освещает снег летучий, мютно ньебо, ночь мют-на...

Не веря своим ушам, Вячеслав Михайлович отшатнулся. Тот же, вытаращив глаза и вода над головой скрюченной рукой, продолжал:

— Мчаца бьесы рой за роем в беспредельной вишинэ, визгом жялобным и воем надривая серцэ мнье.

— Братан, — остановил чтеца-декламатора Вячеслав Михайлович. — Ты давай бросай про бесов. Ты лучше выпусти меня из этой мышеловки. А то ведь замерзну на хрен. Холод-то собачий, а я, гляди, в одном пиджачке. Ну, давай, родной, иди, иди. Позови кого-то, как там по-вашему — копа, что ли.

— Копа? — шизоид раздумчиво почесал затылок.

— Ну, да — копа, — занервничал Вячеслав Михайлович. — Да не бойся, не тронет он тебя. Скажешь: человек в беду попал, надо выручить. Ну, чего тебе еще надо?

— Дрюг, а пятерку не одолжишь до стипендии, а? — спросил по старой памяти доминиканец.

— На, родной, на, — трясущимися руками Вячеслав Михайлович достал бумажник и, поскольку других купюр не было, дал двадцатку.

— Спасибо, дрюг, — сказал бывший товарищ Музон и пошел, покачи-

ваясь, за подмогой. О своей миссии несостоявшийся педагог вспомнил уже после того, как купил себе пару пакетиков своего лекарства от всех скорбей. Где-то этак через часик. В это время он пересекал Бликер и увидел, как двое полицейских, заламывая руки женщине в шубе, пытались пригнуть ее к капоту патрульной машины. Женщина же истерически визжала на чистом русском языке: "Нет у меня денег, у мужа деньги, а муж пропал!!!". Собственно, именно после того, как Франсуа Музон увидел полицейских, он и вспомнил, что ходил именно за ними. Но поскольку к этим полицейским сейчас лучше было не приближаться, он побрел назад к своему русскому другу, который поселился по соседству с его домиком-коробкой от стереосистемы "Айва". Это был хороший русский. Не просто большой любитель поэзии — меценат!

"Фашисты!" — кричала женщина крутившим ее полицейским, и, глядя на нее, Франсуа Музон думал, что эта душераздирающая сцена поразительным образом выбилась из программы тех передач, которые кто-то невидимый включал ему каждый раз, когда он запускал в свою широкую ноздрю дорожку чудесного зелья. Видимо, в тот вечер его по ошибке подключили к какой-то другой телесети, транслировавшей дурной во всех отношениях сон.

Интересно, что тот же дурной сон сейчас видел и Вячеслав Михайлович Свердлов. Как и полагается всякому любящему мужу, он уже много чего нафантазировал про любимую жену, оказавшуюся посреди незнакомого города без единого английского слова и американского доллара за душой. Жена была младше его на хороших лет 15 и, как это случается, чем больше разница в возрасте супругов, тем сильнее работает у одного из них фантазия. И вот эти две воспаленные фантазии — музоновская и свердловская — поползли, цепляясь за гидранты, урны и дорожные знаки, друг навстречу другу и встретились на углу Бликер и Макдугал. А поскольку их было две, то и вышло так красочно и звонко, как в кинотеатре "Сони" с широким экраном и многоканальной стереосистемой. Она им: "Фашисты!", а они ее лицом об капот — ба-бам! Но это были только фантазии. В жизни-то такое крайне редко случается. Мы сами знаем о считанных случаях, и о них потом все газеты пишут по полгода.

Вернемся к Вячеслав Михайловичу. Сперва он пытался для обогрева стывшего организма подпрыгивать, притопывать и делать разные физические упражнения. Но постепенно пенсионный возраст взял свое. И тогда Вячеслав Михайлович присел на корточки и обхватил себя за плечи. В этот момент он с необыкновенной ясностью ощутил, на каком тонком

волоске висит человеческое счастье и сама жизнь. Как малейшая какая-то закавыка, дурацкая совершенно случайность может прихлопнуть его гробовой крышкой. Потому что еще неизвестно, когда эта говорящая по-русски обезьяна приведет сюда полицейского или хотя бы вернется сама. И от своего бессилия и слабости он заплакал.

Остывая на ночном морозце, Вячеслав Михайлович плакал сперва неумело, с некоторым трудом выдавливая из себя стоны и слезы, но постепенно наловчился. И чем лучше он плакал, тем жалче ему самого себя становилось. И он даже уже видел, как на туманном рассвете, под звуки песни "Карузо" в исполнении Лучано Паваротти и Лучо Далла кто-то из владельцев запаркованных в том, другом дворе машин увидит лежащее возле сетки его окоченевшее тело.

Есть мнение, что вот такие вот слезы, исторгнутые, как говорится, из глубины души, очищают эту душу и доходят туда, куда они должны пойти. Так вышло и на этот раз. Рыдания услышал один местный житель по прозвищу Свисток. Почему его так прозвали, я вам расскажу как-нибудь в другой раз, а пока только ограничусь сообщением, что окно его спальни выходило в тот самый колодец, на дне которого плакал наш герой. Свисток услышал рыдания во сне, и сначала ему показалось, что это он сам плачет. У него были все основания плакать. На днях он узнал, что из простого носителя вируса иммунодефицита голубого человека он стал единоличным владельцем полнометражного случая СПИДа. Помимо этого его бросил старый любовник, который стал жаловаться на то, что он свистит не так, как в прежние времена. Врал, конечно, сволочь. Просто нашел какого-то молодого хахалю, вот и все. Но потом другая мысль вкралась в спящее сознание Свистка и подсказала ему, что сам он так долго плакать бы не стал. Дело в том, что он работал редактором в одном голубом еженедельнике и просто не мог допустить, чтобы какое-то действие продолжалось слишком долго. Кроме одного, конечно. Во всех остальных случаях это грозило потерей читательского интереса. И от этой мысли он проснулся. А рыдания между тем продолжались.

— Ы-ы-ы, На-ту-у-уля моя, — бубнил кто-то за окном, — На-точка, где ты, солнце мое, у-у...

Свисток встал с постели и, набросив одеяло на худые плечи, подошел к окну. Подняв раму, высунул голову в ночь и внизу увидел сидящего на корточках человека.

— Эй, мен, вот-с ап? — позвал он его.

Человек замолчал и, словно не веря своим ушам, поднялся и произнес неуверенно в темноту:

- Господи, ты ли это? А я уже решил, что ты не при-дешь.
— Уа-уа? — не понял Свисток.

Мужчина, наконец, определил, что говорили с ним из открывшегося где-то вверху окна, и, протянув в направлении Свистка руки, взмолился:

- Хэлп ми. Плиз, хэлп ми!
— Омайгад! — выдохнул Свисток, хватаясь за сердце, насквозь пронзенное чувством сострадания к бедолаге.
— Ам-каминг! Ам-каминг!

Как подхваченный ветром лист, он вылетел на кухню и, схватив нужный ключ, бросился вниз спасать несчастного. И на этом мы всю компанию и оставим с надеждой, что Свистку, уже к Новому году испутившему последний вздох, зачтется этот душевный порыв. Что до освобожденного наконец Вячеслава Михайловича, то, чертыхаясь, он захромает в ближайший банк, чтобы снять деньги, а оттуда — в ресторан, где его ждет переволновавшаяся Ната. Но прежде, чем подойти к ней, он на минуту задержится в дверях и, посмотрев на нее со стороны, на невероятно элегантную худощавую женщину с короткой стрижкой и чудесными карими глазами, подумает, как ему все-таки повезло в этой жизни. А потом они поедут домой и счастливо заснут друг у друга в объятиях на красивой итальянской кровати.

Ну вот, пожалуй, и все. А что до того, что кому-то пригрелось, так это только пригрелось и будет забыто, как забывается все плохое, увиденное во сне.

Нью-Йорк

ДАЛЬШЕ БЫЛО ВОТ ЧТО...

Пирамида желаний

Кусочкин растрепал всем, в каком секторе находится черный ящик. Пришлось перепрыгивать. Охрана не серьезна, идет на подкуп. Вчера донесли, что Ласта опять смеялась на рабочем месте, а это чревато выговором старшего по группе, да и от шефа пока не было никаких вестей, а это могло означать все, что угодно. Ласту дезавуировали и вывели из сектора. На дорогу дали, как всегда, пакет от тетрапака, булочку, колготки (у нее 20 DEN). Конченная девка. Потом — разбор полетов: то, да се. Убрали еще двоих. Мужики не обижались. Правда, никто их не спрашивал, вывели в овраг, да и все. Шеф так и не позвонил, а мы — со старшим. Охрана, я уже говорил, ненадежна. Вчера проводил с ними тренинг по Абрахаму Маслоу — ни черта ребята не понимают. Пришлось разяснять всю пирамиду. Когда добрался до самоактуализации, увидел, что говорить практически не с кем. Рокфор завалился уже на первом вопросе о потребностях в равноправных контактах с партнерами. Нажрался и спал. А Гошин даже пристрелить попросил. Что такое позиция неформального лидера? Что такое оппозиция? А черный ящик что такое, сучьи дети?! Ну, говорить... а шеф не звонит. Притворяется, что мы тут ведущие. А он вроде ведет... хитер страшно. Старший уже вторую ночь не спит. Я — третью. Если так и дальше пойдет, мы эту работу выполним. Он будет доволен. Я еще раз перепрыгал коробку. В контакте — все было бы сложнее. Пришил бы его. Да, а все — в отпаде. Один в улете... Винт, блин.

Хотел с Кусочкиным провести воспитательную работу, но тот — как сквозь землю... безответственность полная. С кем работать? Врагу не пожелаешь... пойти, что ли, кубарь себе взять?

Vale

Небольшой человек зашел в маленький кабинет.

— У вас есть для меня время?

Маленького роста женщина в теплой кофте внакидку опустилась на стул.

— Садитесь.

— Раздеться можно? — несмело взглянул ей в глаза. Снял куртку, прошагал к ее письменному столу, в угол, к вешалке. — Мороз...

Она кивнула. Небольшой человек повел острыми ушами и сел напротив.